

ДИСКУССИИ

© К. Б. КЛОКОВ, С. А. ХРУЩЕВ, А. В. БОЧАРНИКОВА

**ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ВОЗДЕЙСТВИЯ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ НА ТРАДИЦИОННОЕ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ**

Традиционное природопользование, связанные с ним особенности расселения и образа жизни людей — это материальная основа демографической стабильности и этнокультурного развития коренных северных этносов. Вместе с тем именно оно подвергается негативным воздействиям в местах добычи полезных ископаемых, гидростроительства, сооружения транспортных коммуникаций и др. *Этноэкологическая экспертиза* направлена на выявление и оценку таких воздействий. В фокусе ее внимания лежит взаимодействие этносов с их *кормящим ландшафтом*. Она составляет ядро более широкого понятия — *этноэкологической экспертизы*, которая наряду с этноэкологическими может охватывать социальные и культурные вопросы.

Как юридический термин этноэкологическая экспертиза введена федеральным законом № 82-ФЗ от 30.04.1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Юридическая институционализация дала формальные основания требовать проведения такой экспертизы в необходимых случаях, хотя и не сделала ее обязательной. В двух субъектах РФ — Сахалинской области и Республике Саха (Якутия) — приняты специальные нормативные акты, закрепляющие обязательное проведение этноэкологической экспертизы [12].

Идея этноэкологических экспертных исследований пришла в Россию из-за рубежа, где урегулирование спорных вопросов с коренным населением рассматривается в более широком контексте *социальной оценки воздействий* [16]. В России вопросы этноэкологической/этноэкологической экспертизы отражены в ряде публикаций сотрудников Института этнологии и антропологии РАН [1, 6, 10, 16], а практические вопросы ее организации — в работах О. А. Мурашко [7, 8]. Осенью 2007 г. правовому обеспечению этноэкологической экспертизы были посвящены Парламентские слушания Совета федерации [12].

Этноэкологические экспертные исследования чаще всего выполняются по заказу промышленных корпораций как разделы ОВОС или как краткосрочные экспресс-оценки, необходимые для формального обоснования проектов на международном уровне. Авторы этой статьи в рамках различного рода договорных работ занимались оценкой влияния проектов промышленного освоения на традиционное природопользование в различных регионах Севера. Кроме того, промышленное освоение изучалось ими как фактор региональной сре-

ды при анализе устойчивости систем традиционного природопользования. Работы проводились в Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах, на Таймыре, в Эвенкии, Якутии, Иркутской области и других местах. В ходе исследований были накоплены обширные материалы, критический анализ и обобщение которых позволяют поставить и обсудить ряд вопросов теоретического и методологического характера.

Предмет и объект этноэкологической экспертизы. Согласно ФЗ № 82, этнологическая экспертиза — это «научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса» (ст. 1, п. 6). Эту формулировку можно в первом приближении считать определением предмета такой экспертизы. Объектами этноэкологической экспертизы были названы «население под воздействием» и «этнокультурная среда» [6]. С географических позиций эти формулировки могут быть уточнены и развернуты. Очевидно, что «население под воздействием» — это некоторая общность людей, состав которой в зависимости от конкретных задач экспертизы может быть очень различным. Рассматривая этноэкологическую экспертизу применительно к коренным народам, мы всегда имеем дело с этническими общностями — носителями традиционной культуры. Поэтому объект этноэкологической экспертизы можно определить как *традиционную этническую общность* (ТЭО). Такое определение фиксирует внимание на этничности и традиционности и не содержит никаких дополнительных ограничений, оно может быть применено практически во всех случаях, когда проводится экспертиза. Этнический состав ТЭО может быть неоднородным, она может состоять из нескольких этнических компонентов. В территориальном плане ТЭО может быть представлена и отдельной семьей, и всем коренным населением РФ. При проведении этноэкологических экспертных исследований авторы имели дело с такими ТЭО как:

— локальная этнотерриториальная группа оседлого и/или кочевого населения, как правило, смешанного этнического состава (например, рыбаки и полукочевые оленеводы, зарегистрированные в поселке Совречка Туруханского района Красноярского края в зоне Ванкорского месторождения);

— коренное население определенной территории, рассредоточенное в нескольких населенных пунктах (например, коренное население бассейна р. Нижняя Тунгуска, живущее в зоне воздействия проекта Эвенкийской ГЭС);

— отдельные семьи коренного населения, ведущие традиционное природопользование в зоне воздействия проекта независимо от места их регистрации (например, полукочевые хозяйства нескольких семей охотников-оленьеводов в зоне добычи россыпного золота на севере Бодайбинского района Иркутской области).

Как и любая система, ТЭО существует в окружающей среде и взаимодействует с ней. При проведении этноэкологической экспертизы целесообразно рассматривать два типа окружающей ТЭО среды: этнокультурную и региональную. *Этнокультурная среда* (ЭКС) создается ТЭО и является необходимым условием ее существования. Сама ЭКС также является объектом экспертизы. С точки зрения теории правильнее считать объектом экспертизы этноэкологическую систему, состоящую в целом из ТЭО и ЭКС. Однако на практике ТЭО и ЭКС обычно изучаются и оцениваются отдельно.

Региональная среда рассматривается нами как внешняя по отношению к ТЭО и ЭКС — эта та среда, откуда осуществляются внешние воздействия на этноэкологическую систему, в общем случае — источник опасности для ТЭО и

ЭКС. Разделение региональной и этнокультурной сред относительно, так как ЭКС входит в состав региональной среды как часть культурного ландшафта. Чтобы определить их соотношение, уместно воспользоваться представлениями о *слоях* культурного ландшафта [2, 4, 5]. Согласно этим представлениям, культурный ландшафт, исторически формируясь на территории, где живут разные этнические общности — носители различных культурных традиций, состоит из нескольких компонентов, или культурных слоев. Эти слои могут быть как материальными (преобразованные природные объекты, постройки, захоронения и др.), так и ментальными. Ментальные слои связаны со смысловыми интерпретациями окружающей среды в различных культурах, с помощью которых то или иное место, а также природные и рукотворные объекты приобретают определенный смысл. Например, место может восприниматься как родина, священное место, историческое место и т. д. Очевидно, что разные культуры могут интерпретировать один и тот же объект по-разному, т. е. слои культурного ландшафта могут перекрываться. Например, Советские озера, расположенные в центре этнохозяйственного ареала локальной ТЭО эвенков и селькупов в районе Ванкорского месторождения, имеют название Ховоки-амут на эвенкийском и Нумьль-то на селькупском языках. Оба названия означают одно и то же — Бог-озеро [15], т. е. гидроним говорит, что в контексте и эвенкийской, и селькупской культур эти озера священны. Однако большинство местного населения рассматривает их главным образом как богатый красной рыбой (арктическим лососем, местное название «кумжа») промысловый водоем.

Представители одной культуры, как правило, не знают и «не видят» ментальных слоев, сформированных в рамках другой культурной традиции. Одной из задач этноэкологической экспертизы как раз и является семантическая расшифровка слоев культурного ландшафта и их «перевод» на язык культуры доминирующего общества. Этот процесс можно также назвать *актуализацией* ЭКС. Актуализация ЭКС, во-первых, позволяет сохранить и использовать накопленные культурные ценности, во-вторых, предотвращает противоречия и конфликты, связанные с непониманием представителями одной культуры ценностей иных культурных слоев ландшафта. Таким образом, предмет этноэкологической экспертизы не ограничивается *изучением* взаимодействия ТЭО со средой ее обитания. Ее задача не только исследовать, но и *показать* ценность всех слоев ЭКС, т. е. представить результаты своего исследования на «языке», доступном для восприятия общественностью и лицами, принимающими решения.

Субъект оценки в этноэкологической экспертизе. Этнокультурная среда формируется на пересечении нескольких знаковых систем, каждая из которых связана с определенным этнокультурным контекстом, т. е. с соответствующим информационным слоем культурного ландшафта. Значимость отдельных объектов среды может меняться в зависимости от этнокультурного контекста, в котором они рассматриваются. В этнологии принято рассматривать этнокультурную среду с позиций той культуры, исследование которой проводится (в нашем случае — с позиций традиционных культур народов Севера). Однако оценки условий жизнедеятельности ТЭО извне (с позиций культуры доминирующего общества) и изнутри (с точки зрения представителей самой традиционной культуры) могут сильно различаться. Характерный пример — ответ молодого ненца-оленевода с п-ова Канин на вопрос, хочет ли он стать богатым, чтобы, например, купить больше полезных вещей для своего хозяйства.¹ Оле-

¹ Полевые материалы Канинской экспедиции ООО «Этноэксперт», 2007 г.

невод ответил, что не стремится иметь много вещей, так как для их перевозки понадобится слишком много нарт, что затруднит кочевание. Мерой богатства у ненецких оленеводов служит не количество денег или ценных вещей, а поголовье оленей, находящихся в их собственности ([¹⁴], с. 42). Качество жизненной среды («кормящего ландшафта») оценивается ими прежде всего по ее пригодности для содержания оленьего стада и для сезонных перекочевков. У других оленеводческих этносов иные системы ценностей. Так, у охотников-оленьеводов эвенков оптимальное по размеру семейное стадо насчитывает около 50 оленей. Большее поголовье затрудняет перемещение по тайге в поисках мест концентрации промысловых пушных зверей [³]. Поскольку у большинства населения страны, включая и лиц, принимающих решения, шкала жизненных ценностей иная, в экспертизе возникает проблема поиска «общего знаменателя» различных ценностных шкал.

В наши дни все ТЭО народов Севера в той или иной мере интегрированы в доминирующее общество и оценивают качество жизни не только по традиционным критериям, но и по возможности иметь доступ к «благам цивилизации». Поэтому методология корректной оценки должна быть основана на бикультурном подходе, учитывать включенность ТЭО сразу в две ценностные системы: доминирующего и традиционного общества. При этом могут быть использованы как универсальные (с позиции доминирующего общества), так и этнорелевантные (с позиции ТЭО) критерии.

Этнокультурная безопасность. При оценке предпочтительности различных вариантов какого-либо проекта обычно используются два альтернативных подхода: по эффективности или по безопасности, причем в последние десятилетия большее значение приобретает второй [⁹]. В этноэкологической экспертизе подход «от безопасности» (в данном случае — этнокультурной) удобнее подхода «от эффективности». Однако при таком подходе мы сталкиваемся с рядом трудностей. Во-первых, понятие этнокультурной безопасности мало разработано и в отечественной литературе освещено слабо [¹³]. Во-вторых, само понятие безопасности имеет очень широкий спектр определений. Чаще всего она понимается как состояние защищенности, но есть и другие трактовки, где безопасность рассматривается как возможность свободного выбора, как особая форма человеческой активности или как *устойчивость общественной системы* в целом. А. П. Романова и В. О. Мармилова [¹³] предложили различать *безопасность культуры* как более узкое понятие, относящееся к определенной локальной культуре, и *культурную безопасность*, которая рассматривает культуру не только как *объект*, но и как *фактор* обеспечения безопасности.

В целом намечились два подхода: консервативная безопасность — выявление угроз и поиск путей борьбы с ними, активная безопасность — повышение способности самой системы противостоять возникающим угрозам (своего рода повышение системного иммунитета). Так, с точки зрения С. Форреста [¹⁸], культурная безопасность — это не столько защита культуры от угроз, сколько создание условий, при которых она будет безопасно расти, развиваясь по собственным законам. В этноэкологической экспертизе консервативный подход удобен для конкретных объектов ЭКС (что немаловажно для экспертизы — его проще аргументировать), а концепция активной безопасности в большей степени применима по отношению к самой ТЭО. Используя первый подход для оценки воздействия Эвенкийской ГЭС на коренное население долины Нижней

Тунгуски, мы составляли «матрицу рисков», т. е. таблицу, строки которой содержали перечень элементов ЭКС, а столбцы — возможные источники негативных воздействий, связанные с изменением региональной среды. В каждой клетке таблицы указывались оценки вероятности и степени негативных изменений ЭКС. Найти подход к оценке активной безопасности труднее. Попробуем использовать для этого понятие *креативности*.

Креативный потенциал ТЭО. Назовем способность ТЭО продолжать и развивать свои традиции ее *креативной деятельностью*. Традиции формируются путем заимствования и усвоения новаций, а также путем трансформации старых традиций, поэтому креативная деятельность в общем случае есть формирование новых традиций на основе старых традиций и новаций. Этнокультурная безопасность ТЭО заключается в поддержании ее способности к креативной деятельности, или *креативного потенциала*. Последний в свою очередь зависит от состояния самой ТЭО и от целостности ее ЭКС.¹

Проблема повышения креативного потенциала российского Севера поставлена недавно [11], а методы его оценки еще не разработаны. Такая оценка может быть проведена путем выявления и документирования фактов, выражающих интенсивность творческой деятельности людей. Этноэкологическая экспертиза может провести инвентаризацию уже накопленных в ЭКС культурных ценностей и выявить существующие в ТЭО «живые» традиции. К числу последних относятся технологии, с помощью которых члены ТЭО адаптируются к «кормящему ландшафту», готовят пищу, делают одежду, транспортное снаряжение и другие предметы, необходимые для кочевой или полукочевой жизни. Описания традиционных технологий в этнографии направлены на то, чтобы дать полную характеристику материальной культуры этноса. Задача этноэкологической экспертизы — документировать факт сохранения живой традиции, т. е. применения таких технологий в повседневной жизни. С этой целью мы проводили фото- и видеосъемку изготовленных по традиционным технологиям предметов, а также процесса их изготовления и/или использования. Зафиксированные технологии делятся на три категории:

- а) собственно традиционные (почти не измененные) технологии;
- б) традиционные технологии, в значительной степени адаптированные к современным условиям;
- в) нетрадиционные (заимствованные) технологии, которые активно адаптируются к условиям кочевой или полукочевой жизни, т. е. постепенно становятся для данной ТЭО традиционными.

Для выживания ТЭО важны все три категории. Их сочетание делает ее устойчивой в меняющейся региональной среде и позволяет транслировать опыт прошлого будущим поколениям. Сами традиционные технологии можно рассматривать и как подлежащее охране культурно-историческое наследие, и как своего рода этнокультурный «капитал», который может быть востребован как ресурс для развития этнотуризма.

Подводя итоги, обозначим примерный алгоритм этноэкологической экспертизы, который с учетом всего изложенного выше представляется следующим.

¹ Отметим, что в такой трактовке понятие креативного потенциала существенно отличается от его понимания в классических работах по социальной теории креативности американского экономиста Ричарда Флориды [17].

1. Изучение ТЭО, ЭКС и их взаимосвязей друг с другом с точки зрения системной устойчивости.
2. Выявление структуры ЭКС, инвентаризация этнокультурных ценностей, разработка списков объектов этнокультурного наследия с последующей актуализацией слоев культурного ландшафта, связанных с традиционной культурой ТЭО.
3. Выявление и документирование традиционных технологий и других фактов, свидетельствующих о креативном потенциале ТЭО.
4. Выявление и анализ рисков, связанных с изменениями региональной среды, и оценка уровня этнокультурной безопасности по отдельным компонентам ЭКС.
5. Составление оценочных матриц этнокультурной безопасности, с помощью которых можно будет сопоставить различные варианты проектных решений и дать интегральные итоговые оценки.
6. Разработка рекомендаций по снижению рисков и/или их компенсации.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 32 11-01-00050а).

Список литературы

- [1] Завиденная О. О., Новикова Н. И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 года). М.: ИД Стратегия; ИП Андрей Яковлев, 2010. 154 с.
- [2] Калуцков В. Н. Ландшафтная концепция в культурной географии. Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009.
- [3] Ковязин Н. М. Оленеводство в Эвенкийском национальном округе // Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера. Л., 1936. С. 3—38.
- [4] Культурная география / Ред. Ю. А. Веденин, Р. Ф. Туровский. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 2001. 192 с.
- [5] Культурный ландшафт как объект наследия / Ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
- [6] Методы этноэкологической экспертизы / Научн. ред. В. В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 1999. 299 с.
- [7] Мурашко О. А. (ред.). Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М., 2002.
- [8] Мурашко О. А. Этнологическая экспертиза в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы // Прил. к альманаху «Мир коренных народов — Живая Арктика». М., 2006. 114 с.
- [9] Мягков С. М. Социальная экология. Этнокультурные основы устойчивого развития. М.: НИИПИ экологии города, 2001. 190 с.
- [10] Новикова Н. И. Люди Севера. Права на ресурсы и экспертиза / Отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Стратегия, 2008. 512 с.
- [11] Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либриком, 2009. 544 с.
- [12] Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательное условие при освоении северных территорий. Федеральное собрание Российской Федерации. Парламентские слушания. 25 октября 2007 года. М.: Изд-во Совета федерации, 2008.
- [13] Романова А. П., Мармилова В. О. Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности // Человек, сообщество, управление. Научно-информационный журн. 2002. № 2. С. 84—94.
- [14] Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.

- [15] Туголуков В. А. Эвенки бассейна реки Турухан // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974. С. 58—81.
- [16] Ямсков А. Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу / Отв. ред. С. В. Чешко. М., 2006.
- [17] Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002.
- [18] Forrest S. Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security / Proceedings of the Third Northern Research Forum / Plenary on Security, Yellowknife, NWT September 18. 2004. URL:http://www.nrf.is/index.php?option=com_content&view=article&id=21&Itemid=21

Санкт-Петербург
k.b.klovov@gmail.com
shr60@mail.ru
alefa2003@list.ru

Поступило в редакцию
1 декабря 2011 г.

Изв. РГО. 2012. Т. 144. Вып. 3

© Б. Н. ЛУЗГИН

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ АНСАМБЛИ АЛТАЙСКИХ ГОР

Морфология гор в настоящее время исследуется преимущественно с климатических и тектонических позиций, отчасти противоречащих одна другой [6]; но сама по себе морфология гор, как это не покажется странным, является недостаточно востребованным элементом изучения. Мы разделяем мнение [12], что во многих дискуссиях по проблемам гор приводится масса данных по геофизике и тектоноструктурам, но мало по реальным современным горным ландшафтам. «К несчастью» ландшафты вырывают из этих проблем, обычно игнорируя прямые наблюдения над «очевидной» дневной поверхностью. А это имеет не только определенное теоретическое, но и прикладное — практическое значение. Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о постоянной фрагментарной изменчивости морфологии гор в связи с самыми разнообразными природными явлениями — эрозией, абляцией, абразией, землетрясениями и пр. Большинство исследователей придерживаются взглядов о постоянстве местонахождения гор в определенных географических координатах, мало обращая внимание на их территориальное разрастание и превращения в реликтовые формы гористости. Горы в этом отношении являются как бы застывшими формами рельефа. Вместе с тем охотно допускается существование возрожденных гор, т. е. гор, образовавшихся на их прежних палеогеографически обусловленных позициях. Принимается возникновение молодых гор, сформированных недавними неогеографическими событиями и процессами в их складчатых или блоковых вариациях. Многие «зациклены» на этапных, циклических тектоно-горообразовательных событиях, не давая труда проанализировать оценку вероятности перманентного развития горных сооружений, допустить возможность миграции горных систем в пространстве и времени. Несомненно, что горы не вечны. Они зарождаются, разрастаются вширь